

Л. М. Глускина

НОТНОИ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ АФИНСКОГО ПОЛИСА IV в. до н. э.

По словам известного исследователя древнегреческого права Паоли, вопрос о *nothoi* является темной областью аттического права¹. И действительно, свидетельства источников о характере этой группы и ее положении в структуре афинского полиса неясны и противоречивы. Расходятся и мнения исследователей. Одни считают, что к *nothoi* относились только дети афинского гражданина и ксены, другие — что в эту группу включались и внебрачные дети афинских родителей. Особое внимание уделяется в связи с этим закону Перикла о гражданских правах 451/450 г. до н. э.²

Значение вопроса о *nothoi* определяется тем, что они были составной частью населения афинского полиса и его социальной структуры, а их положение связано как с имущественными отношениями, так и с проблемой гражданских прав.

Существование категории *nothoi* в Афинах засвидетельствовано с ранних пор³. Она представлена и в других греческих полисах⁴. *Nothoi* упоминаются уже в «Илиаде»⁵. Среди них три сына и дочь Приама, сыновья эти участвуют в боях с ахейцами наравне с законными детьми царя⁶, муж дочери прибыл в Трою для помощи в войне, живет в доме Приама, который относится к нему, как к родному сыну (XIII, 172—176). Из остальных *nothoi* один, сын Ойлея, командует войсками Филокетета, оставленного на Лемносе (II, 727), а о другом, сыне Антенора, говорится, что его воспитала наравне с собственными детьми жена Антенора Феано в угоду супругу (V, 70). Из этих примеров как будто вытекает, что *nothoi* могли включаться в состав семьи, если на то была воля их отца. Кем были их

¹ Paoli U. E. Studi di diritto Attico. Firenze. 1930, p. 272 sgg.

² См. Busolt-Swoboda S. Griechische Staatskunde. Bd. I—II. München, 1920—1926, S. 223, 940—943; Latte K. *Nothoi*.— RE, XXXIII Hlbd 1936, Sp. 1066—1074; Berneker H. *Nothoi*.— Kleine Pauly, 1979, Bd. 4, S. 165 f.; Harrison A. R. W. The Law of Athens. The family and property. Oxf., 1968, p. 61—68; Humphreys S. C. The *Nothoi* of Kynosargos.— JHS, 1974, XCIV, p. 88—95; Vatin C. Recherches sur le mariage et la condition de la femme mariée à l'époque hellénistique. P., 1970.

³ См. Dem., XXIII, 214; XLIII, 51; Aristoph., Av. 1660 sqq.; ср. Busolt-Swoboda. Op. cit., S. 940.

⁴ См., например, Dem., XXIII, 213 (Орей на Эвбее); Isocr., III, 42 (Кипр); SGDI, 3624, l. 9—11 (ср. Hannic J.-M. Droit de cité et mariages mixtes dans la Grèce classique.— Ant. Cl. XLV, № 2, p. 133—148; Vatin. Op. cit., p. 120 suiv.

⁵ II, II, 727; IV, 499; V, 70; XI, 402, 490; XIII, 172—173.

⁶ Так, один из них стоит на колеснице рядом с законным отцом, причем *nothos* правит конями, а сводный брат его ведет бой (XI, 102—104); тут же сообщается, что некогда Ахилл захватил их обоих, пасших овец, но отпустил за выкуп.

матери — рабыни или свободные наложницы, мы не знаем, о них в «Илиаде» ничего не говорится.

Несмотря на признание их отцом, *nothoi* все же стояли на более низкой ступени общественной лестницы, чем законные дети. Об этом говорит само выделение их в терминологии и противопоставление *νόθος* — *γνήσιος* ⁷.

В «Одиссее» слово *nothos* не встречается, но и там можно найти примеры, подобные тем, которые мы видим в «Илиаде». Например, упоминается сын Менелая, матерью которого была рабыня. Отец выбирает ему в Спарте невесту, т. е. признает его и заботится о его судьбе (IV, 10—12) ⁸. Одиссей в рассказе о своих вымышленных приключениях говорит, что он родом с Крита, сын богатого мужа от купленной им наложницы (*ὄνητήρι παλλακίτι*). Отец чтит его наравне с законными сыновьями. После смерти отца сыновья по жребию разделили между собой имущество, а ему дали небольшую часть ⁹ и помещение для жилья. Тем не менее он женился на девушке из богатой семьи, которая оценила его доблесть (XIV, 199—212). Таким образом, и в «Одиссее» положение внебрачных детей определяется волей отца и они получают даже какую-то часть наследства, правда, меньшую, чем законные сыновья.

Nothoi, известные нам из афинских источников, тоже противопоставляются *παῖδες γνήσιοι* как детям законным. Однако в Афинах, как, впрочем, и в других греческих полисах классического периода, вопрос с *nothoi* гораздо сложнее, чем то, с чем мы встречались в гомеровских поэмах. Общее здесь то, что *nothoi* — внебрачные дети. Но поскольку уже существовала определенившаяся полисная структура, опиравшаяся не на обычаи, а на законы, понятие «законный» получило другой характер. «Законные» дети рождались в признанной законами семье, главой которой по-прежнему был муж и отец. Но если раньше положение внебрачного сына, независимо от того, кем была его мать, определялось исключительно волей отца, то теперь имел значение и статус матери и обязательные для всех государственных законы. При этом прослеживается известная эволюция. Так, до середины V в. до н. э. в Афинах гражданином считался человек, отцом которого был афинянин, даже если мать его была чужеземкой ¹⁰. Что касается детей рабыни от господина, то от воли отца зависело, будут ли они рабами, или получат свободу. В последнем случае обычно освобождалась и мать. Но при этом они гражданами не становились, и положение их как вольноотпущенников близко было к положению метеков ¹¹.

Как уже было сказано, постоянное противопоставление *νόθοι παῖδες γνήσιοι* достаточно четко определяет первых как незаконных детей ¹².

⁷ Разумеется, когда мы говорим о гомеровском обществе, еще не знавшем письменных законов и четко оформленной государственной организации, понятия «законный сын», «законная жена» следует воспринимать в плане обычного права. О характере гомеровского города и о семье у Гомера см. Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976, с. 55—58, 74—75; Lacey W. K. The Family in Classical Greece. L., 1972, p. 33—50, esp. 44—42.

⁸ Так как она названа дочерью Алектора, то явно принадлежит к семье свободного человека.

⁹ По-видимому, земельный участок.

¹⁰ Браки с чужеземками (ксенами) были обычны в среде афинской знати. Вспомним брак Алкмеонида Мегакла с дочерью Клизфена Сикионского (*Herod.*, VI, 126, 130). Матерью Кимона была Гегесипила, дочь фракийского царя Олора (*Plut.*, *Simon*. 4).

¹¹ См. Глаукина Л. М. О правовом положении афинских вольноотпущенников в IV в. до н. э. — ВДИ, 1965, № 1, с. 51—61; она же. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975, с. 13, 45—47.

¹² Правда, законным детям *παῖδες γνήσιοι* противопоставляются и усыновленные — *παῖδες ποιητοί*. Здесь подчеркивается, что первые — кровные дети (*τῆ φύσει*).

Но возникает вопрос, при каких условиях дети считались незаконными: зависело ли это только от статуса родителей (прежде всего матери), или и от того, был ли брак соответствующим образом оформлен. То, что в Афинах IV в. до н. э. при проверке гражданских списков требовалось для подтверждения своих прав доказать, что мать не только ἀστὴ (афинянка), но и ἐγγυητή и γαμέτη¹³, позволяет сделать вывод о значении, придававшимся правильному оформлению брака¹⁴.

Как уже было сказано, в вопросе о nothoi кардинальные перемены в Афинах произошли в 451/0 г. до н. э. С этого времени дети афинского гражданина и ксены причислялись к nothoi. Правда, во время Пелопоннесской войны действие закона было ослаблено и в 403 г. до н. э. потребовалось его возобновление, но уже без обратной силы¹⁵. Проводившиеся в IV в. до н. э. проверки гражданских списков по демам¹⁶ показывают, что и в последующий период закон неоднократно нарушался.

О наследственных правах nothoi в законе Перикла, насколько нам известно, специально не говорилось. Но уже раньше в законе, приписывавшемся Солону, незаконные дети (как бы они ни определялись) не участвовали в разделе отцовского имущества. При отсутствии παῖδες γνήσιοι наследство получали ближайшие родственники¹⁷. Впоследствии законы о гражданских правах и о наследовании имущества в источниках выступают во взаимосвязи. Но следует иметь в виду, что после середины V в. до н. э. критерий отнесения к nothoi был иным, чем до этого¹⁸.

Приводимый у Плутарха (Them. I) в биографии Фемистокла рассказ, будто тот, будучи nothos из-за матери-чужеземки (νόθος δὲ πρὸς μητέρα), мальчиком вынужден был заниматься в гимнасии Киносарге, посвященном

Заметим, что противопоставление γνήσιος — νόθος применяется и в другом смысле: например, относительно литературных произведений оно означает соответственно «подлинные» или лишь приписываемые данному автору.

¹³ См., например, *Dem.*, LVII, 37—40, 43, 69. О том, какие требования предъявлялись при проверках в более раннее время, которые проводились и в VI, и в V в. до н. э. (*Arist.*, *Ath. Pol.* 13, 5; 26, 4; *Plut.*, *Per.* 37; *Harp.*, s. v. διαψήφισις), мы точно не осведомлены, но совершенно очевидно, что коренные изменения произошли после закона Перикла о гражданских правах 451 г. до н. э.

¹⁴ *Sm. Lys.*, I, 31; *Isae.*, III, 28; ср. *Plato*, *Leg.* VI, 774e; VIII, 841d; *Poll.*, III, 21.

¹⁵ *Dem.*, LVII, 30; *Ath.*, XIII, 577b (со ссылкой на Каристия): Ἀριστοφῶν δὲ ὁ ῥήτωρ ὁ τὸν νόμον εἰσενεγκὼν ἐπ' Εὐκλείδου ἀρχόντος, ὃς ἂν μὴ ἐξ ἀστῆς γένηται νόθον εἶναι. Ср. *Schol. Aesch.* I, 39, где этот закон (со ссылкой на Евмела) приписывается Ипкомону.

¹⁶ *Arist.*, *Ath. Pol.* 42,1; *Schol. Aristoph.*, *Vesp.* 718; *Hyperid.*, fr. 2 (Sauppe); *Dem.* LVII, 65, 92; *Isae.*, XII, hypoth.; *Aesch.*, I, 99. Ср. *Busolt-Swoboda.* *Op. cit.*, S. 948—949; *Kahrstedt U. von Staatsgebiet und Staatsangehörige in Athen.* Stuttgart — Berlin, 1934, S. 86—87; *Thompson W. E.* An oratorical fragment P. Oxy. 2538. — *Riv. di Fil.*, 1968, v. 96, serie 3, f. 2, p. 149 sgg.

¹⁷ См. *Plut.*, *Solo*, 21; *Dem.*, XLIII, 51: νόθῳ δὲ μηδὲ νόθῳ μὴ εἶναι ἀρχίστειαν μηδὲ κερῶν μηδὲ ὀσίων; LVII, 53: ἐξῆν δὲ δήπου τοῦτοις εἰ νόθος ἢ ξένος ἦν ἐγὼ κληρονομοῦς εἶναι τῶν ἐμῶν ἀπάντων. *Isae.*, VI, 47; *Aristoph.*, *Av.* 1649—1668; ср. *Latte.* *Op. cit.*, Sp. 1070. По предположению Латте nothoi при отсутствии законных детей имели какое-то право наследования в числе ближайших родственников (ἐγγυητάτω γένους). Но этому противоречит формулировка закона и упоминание побочных родственников в противовес прямым потомкам.

¹⁸ Этим критерием мог быть брак, не оформленный по правилам, мать — pallake или рабыня. Заслуживает внимания, что Аристотель, излагая в Афинской Политии (42.1) порядок записи в дем юноши, достигшего 18-летнего возраста, включает в число задаваемых ему вопросов сперва εἰ ἐλεύθερός ἐστι (свободен ли он), а затем уже — родился ли он в соответствии с законами (γέγονε κατὰ τοὺς νόμους); ἐλεύθερος может иногда употребляться и как синоним гражданина, но в данном контексте выбор термина скорее всего не случаен.

Гераклу, по всеобщему мнению, является поздним вымыслом¹⁹. Но абсолютно достоверна связь *nothoi* с этим гимнасием. Демосфен в речи против Аристократа (XXIII, 213), возражая против особых привилегий Харидему, уже удостоенному афинского гражданства, указывает, в частности, что у себя на родине, в Орее, Харидем, сын матери-гражданки и неизвестного отца, был отнесен к *nothoi* и добавляет: «подобно тому как некогда *nothoi* (причислялись) к Киносаргу» (...καθάπερ ποτ' ἐνθάδε εἰς Κυνόσαργες οἱ νόθοι). У Афиней, ссылающегося на Полемона, упоминается стела в святилище Геракла в Киносарге с текстом псефизмы Алкивиада (очевидно, 420-е годы до н. э.), где предписывается, чтобы жрец совершал ежемесячные жертвоприношения с помощниками (μετὰ τῶν παρασίτων) из числа *nothoi* и их детей. Слова κατὰ τὰ πάτρια свидетельствуют о древности этого порядка²⁰. Хамфриз в специальной статье, посвященной афинским *nothoi* в Киносарге, считает, что к ним относились только дети от смешанных браков²¹. В Киносарге регистрировалась особая категория *nothoi*, у которых матери были ксенами. Возможно, что они представляли собой *фиас* Геракла, в состав которого входили *nothoi*, лишенные доступа во фратрии и демы. Членство было добровольным²². Во времена Демосфена они, по мнению автора, не отличались от метеков, и *nothoi* было самоназванием, которым они выделяли себя из этой группы. В Киносарг все *nothoi*, очевидно, обязаны были делать взносы на культ Геракла.

Лексикографы связь *nothoi* с Киносаргом объясняют тем, что Геракл сам был *nothos* на Олимпе, поскольку матерью его была смертная женщина. Этот сюжет обыгрывается в «Птицах» Аристофана²³. В определении же *nothoi* лексикографы расходятся: одни говорят, что это те, у которых оба родителя неграждане, другие — что один из родителей (не уточнено, отец или мать) — гражданин²⁴.

Из приведенных данных не выясняется окончательно, кто такие *nothoi* в Афинах. Они явно не имеют гражданских прав, в какой-то период приписаны к гимнасию в Киносарге, участвуют в культовых обрядах в святилище Геракла. В свидетельствах о Киносарге для нас важно то, что обнаруживается место какой-то регистрации, своеобразного учета *nothoi*. Как иначе можно было бы подобрать участников культа в Киносарге? Заметим, что уклоняющихся от этой функции ждет кара (εἰσαγέτω καὶ

¹⁹ Ср. Лурье С. Я. Плутарх. Избранные биографии. Пер. под ред. С. Я. Лурье. М., 1941, с. 355, прим. 1; Latte. Op. cit., Sp. 1070; Busolt-Swoboda. Op. cit., S. 942, not. 6.

²⁰ См. Ath., VI, 234 e. Далее приводится ряд примеров участия параситов в священных обрядах. Среди них весьма почтенные люди, в том числе представители рода Кериков. Смысл всего пассажа показать, что в прежние времена обозначение *παράσιτος* не имело оскорбительного смысла. Во второй половине IV в. до н. э. засвидетельствованы *παράσιτοι* в культе Афины Паллениды. Это богатые и влиятельные афиняне. См. Davies J. K. Athenian Propertied Families 600—300 B. C. Oxf., 1971, p. 290, 409, 511—512; Stanton G. R. Some Attic Inscriptions — BSA, 1984, p. 292.

²¹ Humphreys. Op. cit., p. 88 ff.

²² Плутарх, рассуждая о том, как следует называть любовную страсть, говорит — уж не Эротом ли, женственным и незаконорожденным, который, как к Киносаргу, причисляется к женской половине (Plut., Erot. 9, Mor. 750 F — ... νόθον ὡς περ εἰς Κυνόσαργες συντελοῦντα εἰς τὴν γυναικωνίτιν).

²³ См. Aristoph., Av. 1648—1666 u schol.

²⁴ Suda s. v. νόθοι... μήτε πρὸς πατρός μήτε πρὸς μητρός πόλιται; Bekker, Anect. Lex. Pht. 274, 21... οἱ νόθοι ἐκ τοῦ ἑτέρου μεροῦς ἴσται. Это определение не подходит к Афинам, где учитывалось только гражданство отца. Но оно соответствует порядку, который согласно Демосфену (XXIII, 213), существовал в Орее.

περὶ τούτων εἰς τὸ δικαστήριον). Nothoi стоят вне политической структуры афинского полиса. Они входят в семейный круг афинян, не будучи его полноправными членами.

О nothoi — членах семьи — свидетельствует приведенная у Псевдо-Плутарха псефизма (X orat. vit. Mor. 834 B), где после падения «400» за предательство осуждаются Антифонт и Архептолен. Они преданы казни, запрещено их погребение в Афинах и афинских владениях, всех прав лишены и они, и их потомки — как γνήσιοι, так и νόθοι. Таким образом, на nothoi распространяется кара, постигшая их отцов. Их принадлежность к семье должна быть где-то зафиксирована.

Далеко не всегда в источниках прямо указывается, что данное лицо — nothoi. Так, например, таковым обычно считают Гермогена, сына богача Гиппоника и брата Каллия²⁵. По свидетельству Платона и Ксенофонта Гермоген принадлежит к ближайшему окружению Сократа²⁶. Мнение, что Гермоген — nothos, основывается на том, что он в отличие от своего весьма богатого брата настолько беден, что нуждается в помощи своих друзей²⁷. О матери Гермогена ничего не известно. В 90-е годы IV в. до н. э. он, очевидно, пользовался гражданскими правами, если правильно отождествление его с Гермогеном, участвовавшим в афинском посольстве к Тирибазу²⁸.

Нам представляется, что имеющиеся свидетельства о Гермогене не дают оснований считать его nothos. Возможно, отец почему-либо лишил его наследства. Такая практика в Афинах существовала²⁹.

С середины V в. до н. э. к nothoi бесспорно относились дети афинянина и ксены. Сын Перикла и Аспазии, которому по просьбе отца, потерявшего во время чумы сыновей от первого брака, даровали гражданские права, именуется у Плутарха νόθος, а закон 451/450 г. до н. э. — τὸν περὶ τῶν νόθων νόμον (Plut., Per. 37, 2—5). Как уже было сказано, Аристофан, проецируя на Олимп афинские порядки, называет Геракла νόθος, так как его мать — смертная женщина, которая не принадлежала к полису Олимпа.

Нет однозначного ответа на вопрос о внебрачных детях афинских родителей. По мнению Латте, эти дети получали гражданские права, но не имели доступа во фратрию, хотя он допускает, что при известной автономии фратрий после Клисфена некоторые из них могли проявлять в этом вопросе гибкость. Латте полагает, что в аттическом праве сохранился лишь этот один вид nothoi, детей афинянина и ксены он из этой категории исключает³⁰. Но этому противоречат свидетельства источников о сыне

²⁵ См. Swoboda H. Hipponikos (3). — RE, 1913, VIII, Sp. 1969; Humpreys. Op. cit., p. 93.

²⁶ См. Plato, Cratyl. 384d, 391 b—c; Phaed., 59b; Xen., Mem., 1, 2, 48; II, 10, 2—6; IV, 8, 4—10; Symp., III, 14; IV, 46—49; VIII, 3—4. Ср. Natorp P. Hermogenes (21). — RE, 1913, VIII, Sp. 865.

²⁷ Xen., Mem. II, 10, 2—6. Ср. Plato, Cratyl. 391 b—c — ἐπειδὴ δὲ οὐκ εὐχρατὴς εἰ τῶν πατρῶων — «поскольку ты не располагаешь отцовским имуществом». По мнению А. Ф. Лосева (Платон. Сочинения. Т. I. М., 1968, с. 605), Гермоген получил половину состояния отца, но растратил ее. Это не соответствует образу Гермогена, выступающему у Платона и Ксенофонта как образец добродетели.

²⁸ Ср. Xen., Hell. IV, 8, 13. По мнению Сили (Sealey R. Callistratos of Aphidna and his contemporaries. — Historia, 1956, V, p. 178—203), Гермоген получил права в последние годы Пелопонесской войны, до 403 г. до н. э. Ср. Davies. Op. cit., p. 209.

²⁹ L—S—J — s. v. ἀποχρήσσω, ἀποχρηεῖς, ἀποχρηεῖς; Dem., XXXIX, 39; Plut., Them. 2; ср. Plato, Leg. XI, 928—929.

³⁰ См. Latte. Op. cit., Sp. 1069—1071.

Перикла и Аристофана о Геракле. Комедиограф бесспорно отражает афинские порядки.

В отличие от Латте Диллер считает, что *nothoi* включали не только детей ксены, но и детей афинянки, если они были рождены ею вне брака. Положение последних было лучшим, так как они становились гражданами³¹. Он не ставит вопроса, какие для этого требовались условия. Заметим, что в источниках, когда говорится о правах *nothoi* или об отсутствии их, никогда не различаются две группы.

Хамфриз в упоминавшейся выше статье об афинских *nothoi* в Киносарге относит к ним только детей от смешанных браков. Вопрос о различии в положении *nothoi*, матери которых — ксены, и детей афинянки и гражданина при неоформленном браке недавно подробно рассмотрел Лотце³². Он вслед за Харрисоном пытается наметить эволюцию в статусе этой группы и полагает, что во время постановки «Птиц» Аристофана (414 г. до н. э.) у внебрачных детей афинянки были большие права, чем у детей ксены, и первые не именовались *nothoi*. В период Декелейской войны из-за больших людских потерь положение *nothoi* относительно гражданских прав улучшилось, но после 403 г. опять наступили перемены к худшему³³. И все же *nothoi* всегда оставались составной частью полиса, несмотря на двусмысленность и неясность их положения.

Предложенный перечень суждений о *nothoi* далеко не исчерпывает многочисленных нюансов в трактовке этого вопроса. Он еще далеко не решен.

Попытаемся рассмотреть положение *nothoi* в IV в. до н. э., для которого мы располагаем конкретными примерами, приводимыми в источниках. Следует различать два момента — гражданские права и право наследования. Первостепенными источниками являются судебные речи афинских ораторов. В силу самого характера этих источников материал в них излагается весьма пристрастно, факты освещаются в выгодном для говорящего свете. И тем не менее из них можно много извлечь по интересующему нас вопросу, перед нами реальная жизнь, конкретные человеческие отношения.

Рассмотрим прежде всего положение внебрачных детей афинских родителей. С этим мы сталкиваемся в 39-й и 40-й речах Демосфена и 3-й речи Исея. В упомянутых речах Демосфена («Против Беота по поводу имени» и «Против Беота о приданом») отражена тяжба двух сводных братьев, сыновей состоятельного афинянина Мантия. Мантифей, сын от законного брака, оспаривает право другого сына от связи его отца с афинянкой Плангон носить одинаковое с ним имя — Мантифей — и отвергает его претензию на якобы принесенное его матерью в дом Мантия приданое. Дело изборажается таким образом, что Мантий даже после смерти законной жены

³¹ См. *Diller A. Race mixture among the Greeks before Alexander* (Illinois Studies in Language and Literature, v. 20, № 1—2). Urbana, 1937, p. 92; ср. *Harrison. Op. cit.*, p. 5, 62—63, 66, 68; *Kahrstedt. Op. cit.*, p. 68.

³² *Lotze D. Zwischen Politen and Metöken. Passivbürger in klassischen Athen?* — *Klio*, 1981, 63, № 1, S. 159—178.

³³ Об этом, кроме закона Никомена и Аристофонта, свидетельствует, в частности, декрет Феозотида, предлагавший лишить незаконных детей афинских граждан государственного пособия, выдававшегося сиротам, отцы которых погибли на войне или в борьбе против олигархии. Об этом декрете мы знаем из частично сохранившейся на папирусе и камне речи Лисия против Феозотида (*The Hiber Papyri. Pt. I. Ed. V. P. Grenfell and A. S. Kunt. L., 1906, № 14, p. 49—55*) и из найденной в 1970 г. на афинской Агоре стелы с частично сохранившимся текстом декрета (*Stroud R. S. Greek Inscriptions. Theozotides and the Athenian Orphans.* — *Hesperia*, 1971, XL, p. 280—301).

отказывался принять Плангон в свой дом и признать двух ее сыновей — Беота и Памфила своими детьми. Заметим, что оба они носили имена, принятые в семье Плангон³⁴. Уже достигший совершеннолетия Беот и его мать настаивали на узаконении Мантием обоих братьев. После долгих споров Плангон согласилась, получив 30 мин, отказаться от своих претензий с тем, что детей усыновят ее братья. Она договорилась с Мантием, что он официально предложит ей клятвенно подтвердить его отцовство, а она этого вызова не примет, что будет равнозначно отказу от каких-либо претензий к нему. Однако Плангон своего слова не сдержала, приняла вызов и объявила Мантия отцом своих сыновей. После этого Мантий был вынужден признать их. Он вводит сыновей в свою фратрию под именами Беота и Памфила и вскоре умирает, до записи их в дем³⁵. Беот сделал это уже сам, но внес себя в списки под именем Мантифея. Он заявлял, что как старший сын имеет право носить имя деда по отцу. Таким образом, в семье оказались два одноименных брата.

Беот как будто бы нарушил волю отца, записавшего его во фратрию под первоначальным именем. Мантифей возбудил против него судебное дело, мотивируя свой поступок неудобствами подобной ситуации для него лично и полиса в целом. Следует ряд забавных примеров, демонстрирующих, какая возникнет путаница, если выберут на должность, привлекут к литургии или возложат какую-нибудь другую обязанность на Мантифея, сына Мантия из дема Форики. Если это будет выгодно, то каждый из двоих заявит, что это касается его, если же — неприятно, каждый попытается сказать, что это к нему не относится (*Dem.*, XXXIX, 7—11, 14—16, 19; XL, 34—35).

Сколь бы убедительными ни представлялись доводы оратора в 39-ой речи, мы узнаем из следующей, 40-й речи, что он проиграл дело и Беот сохранил присвоенное им имя Мантифея. Исход спора о приданом нам неизвестен. Из речи выясняется, что законный сын Мантия поровну разделит отцовское имущество со своими сводными братьями. Он говорит, что сделал это, повинувшись решению отца, хотя и вынужденному, признать Беота и Памфила своими детьми. Отсюда следует, что после этого признания внебрачные дети получили такие же права на наследство, как законный сын (*Dem.*, XXXIX, 20, 34; XL, 2, 13, 36).

Если верить версии, представленной в речах относительно детей Плангон, при матери-афинянке достаточно было признания ее детей отцом, чтобы они получили все наследственные и политические права. Более того, судя по некоторым высказываниям оратора, даже при отказе отца их признать они могли оказаться полноправными гражданами в случае их усыновления братьями матери (*Dem.*, XXXIX, 32; XL, 10). Получается, что практика не укладывалась в строгие рамки закона. Чтобы разрешить это несоответствие, некоторые исследователи высказали предположение,

³⁴ Памфил — имя ее отца, Беот — имя ее брата. О том, какое значение придавалось увековечению памяти деда, отца и других представителей старшего поколения путем сохранения их имен в семье, говорят многочисленные свидетельства. Старшему сыну обычно давали имя деда со стороны отца, следующему сыну — имя деда по матери. См. *Dem.*, XLIII, 74; XXXIX, 27. В «Облаках» Аристофана порицается жена Стрепсиада, которая заставила мужа назвать сына, как ей хотелось (*Aristoph.*, *Nub.* v. 46—55, 60—74). Отец, разумеется, мог называть детей в соответствии со своими политическими симпатиями (*Herod.*, III, 55; *Plut.*, *Cim.* 16; *Plut.*, *Them.* 32) или знаменательными событиями в своей жизни.

³⁵ Памфил, по-видимому, был еще несовершеннолетним, так как о его записи в дем нет речи.

что Плангон была законной женой Мантия еще до его женитьбы на будущей матери Мантифея. Или непосредственно перед новым браком, или еще до этого он разошелся с ней ³⁶.

Однако, если принять эту версию, в пользу которой говорит то, что старший сын Плангон претендует на приданое, якобы принесенное в дом Мантия его матерью, то возникает ряд других вопросов. Как быть с младшим сыном Плангон, который явно родился уже после вступления Мантия во второй брак ³⁷, а получил те же права, что и Беот? Почему при разводе с Плангон Мантий не вернул ее приданое? Почему Мантий назвал старшего сына Плангон Беотом, по имени ее брата, в то время как принято было давать старшему сыну имя деда по отцу (то есть Мантифея). Недаром Беот столь упорно добивается своего права носить другое имя. Семья Плангон была состоятельной, но отец ее Памфил оказался государственным должником и после конфискации его имущества вырученных при продаже денег не хватило даже для уплаты долга. Возможно, эти обстоятельства осложнили отношение между двумя семьями. Но как бы то ни было, Памфил уж во всяком случае родился вне брака. Мы видим из обеих речей, какую роль сыграло давление на Мантия со стороны матери детей — афинянки и, вероятно, ее родичей. Неоднократно подчеркивается, что Мантия заставили признать детей вопреки его воле (XXXIX, 20; XL, 54 — ἀναγκασθεῖς). В пользу правдивости этого заявления говорит тот факт, что Мантий после смерти жены не ввел в свой дом ни Плангон, ни ее детей (XL, 11). Но сам Беот оказался достаточно деятельным и добился поддержки в deme Мантия и дикастерии.

В качестве параллели можно привести скандальную историю, сообщаемую Андокидом в речи «О мистериях» ³⁸. Богатый и знатный афинянин Каллий, сын Гиппоника, сперва отказался признать своего сына, рожденного Хрисиллой, матерью его первой жены, уже после того как она покинула его дом ³⁹. На признании ребенка настаивали родственники его матери. Позднее Каллий передумал, принял мальчика в свой дом и внес в список рода Кериков, к которому принадлежал. Согласно закону Кериков достаточно было клятвенное подтверждение Каллием своего отцовства ⁴⁰.

И в этом случае, как и в истории с детьми Плангон, вопрос в конечном счете решился волеизъявлением отца. Заметим, что и здесь мать ребенка

³⁶ См. Lotze. Op. cit., p. 174—175; Lacey. Op. cit., p. 143—144; Humphreys. Op. cit., p. 89. Правильным представляется мнение Paoli (op. cit., p. 276 sg.), что Плангон была не женой, а сожительницей Мантия.

³⁷ Любопытно возражение Мантифея Беоту, утверждавшему, что он старше и потому вправе носить имя деда по отцу. Мантифей заявляет, что никто не знает точного счета лет, — «я скажу, что мне больше лет, а он — что ему» (Dem., XXXIX, 27—29: ... τὸν μὲν τῶν ἐτῶν ἀριθμὸν οὐδεὶς οἶδεν ὁμῶν).

³⁸ См. And., I, 124—128. Перевод речи и комментарии к ней см. в кн.: Фролов Э. Д. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н. э. Л., 1964, с. 20—48, 124—127.

³⁹ Кошунственный характер этого сожительства подчеркивается у Андокида ссылкой на то, что Каллий как представитель рода Кериков выполнял жреческие функции в элевсинском культе Деметры и Керы — матери и дочери (And., I, 124).

⁴⁰ And., I, 127. Заметим, что, как и в случае с Беотом, которого Мантий ввел во фратрию уже совершеннолетним, Каллий вводит сына Хрисиллы к Керикам, когда тот уже был взрослым (καὶ τὸν παῖδα τῆς ῥέγαν θύγατρός εἰσαγεῖ εἰς Κήρυκας). Упоминание о законе Кериков (κατὰ τὸν νόμον ὅς ἐστιν αὐτοῖς) интересно тем, что позволяет предположить существование неодинаковых (хотя бы в деталях) правил включения новых членов в различные родовые группы. Впрочем, то же мы видим и во фратриях. См., например, декрет фратрии Демонтионидов — Syll. ³, 921.

была афинянкой⁴¹. Брак Каллия с Хрисиллой вряд ли был оформлен, хотя такое предположение в литературе высказывалось⁴².

О еще одном случае сообщается в III речи Исея «О наследстве Пирра». Афинянин Пирр усыновил сына своей сестры Эндия, и тот в соответствии с афинскими законами унаследовал все его имущество. Когда по прошествии 20 лет Эндий умер, не оставив законного наследника, появился претендент, выступавший от лица дочери Пирра Филы, ее муж — Каллик. О том, что Фила — дочь Пирра, спора не было. Но родичи Эндия утверждали, что она рождена вне законного брака и поэтому не имеет права на наследство. Как выясняется из речи, Эндий выдал ее замуж с приданым в 3000 драхм. При состоянии Пирра, оцененном в три таланта, это считалось недостаточным, и оратор приводит это в качестве довода, что она незаконная дочь. Таким детям отец мог выделить из своего состояния денежную сумму, так называемую *νοθεΐα*, которая по определению лексикографов не должна была превышать 500 или 1000 драхм⁴³.

Хотя мать Филы — афинянка, ее поведение и в доме Пирра и вне его изображается оратором как типичное для гетеры. Нет речи о принесенном ею приданом и оформлении брака. О том, что Фила не законная дочь, а *νόθη*, свидетельствует отсутствие с ее стороны претензий на наследство Пирра после его смерти и сам факт усыновления им племянника, что не допускалось при наличии законных детей⁴⁴. Правда, если была только дочь — эпиклера, то усыновление могло произойти при условии женитьбы на ней усыновленного⁴⁵. В данном случае этого не произошло. Правда, на это можно было бы возразить, что усыновление Эндия произошло до рождения Филы. Однако остальные доводы противной стороны представляются убедительными.

В интересующем нас аспекте внимания безусловно заслуживает то, что Фила, внебрачная дочь афинских родителей, была выдана замуж по всем правилам за афинского гражданина, дети ее в дальнейшем могли ссылаться на то, что их мать *ἀσθη*, *ἐγγνητή* и *γαμητή* и пользоваться всеми правами. Итак, и в этом случае решающую роль в вопросе о гражданских (не о наследственных) правах играло не оформление брака матери Филы с Пирром, а ее афинское происхождение.

Иная ситуация предстает перед нами в VI речи Исея «О наследстве Филоктемона». Престарелый афинянин Евктемон, попавший под влияние своей вольноотпущенницы Алки, пытается ввести во фратрию ее сына, представляя себя его отцом. Но ввиду протестов семьи Евктемона, у которого кстаи были законные дети, фратеры отклонили мальчика (Isae., VI, 21—24). По настоянию Евктемона, грозившего вступить в новый брак и произвести новых детей, права которых будут бесспорны, семья пошла

⁴¹ Процесс о мистериях происходил в 399 г. до н. э. Поскольку о сыне Каллия говорится в связи с тем, что отец хотел женить его на эпиклере (And., I, 121), он уже взрослый человек, и, таким образом, события, связанные с его признанием и введением в род, относятся еще к V в. до н. э. Речь Демосфена против Беота датируются 40-ми годами IV в. до н. э. Ситуация за истекший период существенно не изменилась.

⁴² См. Lacey. Op. cit., p. 152—153.

⁴³ См. Harpocr., s. v. *νοθεΐα*... ἢν δὲ μέχρι χιλίων δραχμῶν; Suda, s. v. *ἐπίκληρος*... νόμος δὲ τὴν Ἀττικὸς τοῖς νόθοις μέχρι ε' μύων καταλιμπάνειν; Poll., III, 2; Schol. Aristoph. Av. v. 1656.

⁴⁴ См. Isae., II, 14; III, 42; VI, 9; Dem., XLI, 3; cp. Gernet L. La loi de Solon sur le «testament». — Droit et Société dans la Grèce ancienne. P., 1955, p. 120—131; Lacey. Op. cit., p. 24—25.

⁴⁵ См., например, Dem., XLI, 3 — Афинянин Полиевкт, имевший двух дочерей, усыновил Леократа, брата своей жены, и выдал за него младшую дочь.

на уступки. Мальчика ввели во фратрию на условии предоставления ему одному земельного участка. Надо учесть, что Евктемон был очень богат.

Здесь мы видим, что вопрос о легитимации *νόθος* даже весьма сомнительного происхождения ⁴⁶ является делом семьи и фратрии. О гражданских правах нет речи, к тому же мальчик несовершеннолетний. На этой стадии нет признаков государственного вмешательства, так как если бы были соответствующие законы, оратор не преминул бы на них сослаться. После смерти Евктемона, который пережил своих законных сыновей, появились претенденты на наследство, выступавшие от имени этого мальчика и его брата и заявившие, будто их усыновили покойные сыновья Евктемона.

История чрезвычайно запутана. Исследователи, опираясь на одно место речи (*Isae.*, VI, 13—15), высказывают гипотезу, что оба мальчика родились в законном браке Евктемона с бывшей на его попечении дочерью его покойного друга Каллиппой ⁴⁷. Однако у Исея ни о каком браке с ней не говорится, а вся история представляется вымышленной — и по хронологическим соображениям ⁴⁸, и потому, что она не подтверждается свидетельскими показаниями ни родственников, ни домашних рабов. Но если допустить, что оратор намеренно искажает факты и Каллиппа действительно была женой Евктемона, то у его детей от первого брака не было бы никаких законных оснований протестовать против внесения их сводного брата в списки фратрии. Между тем, как мы видели, этот протест имел место. Противоречило бы закону и ограничение его прав на имущество отца одним земельным участком (*Isae.*, VI, 25). Все законные дети должны были получить равные доли. Перед нами явно *νόθος*, мать которого к тому же не была афинячкой и даже происхождение отца сомнительно. И все же по настоянию Евктемона, объявившего его своим сыном, он был введен во фратрию и получил земельный участок ⁴⁹.

О том, насколько произвольным могло быть поведение афинян в этом вопросе, свидетельствуют факты, приведенные в LIX речи демосфеновского корпуса (ее обычно приписывают Аполлодору). Афинянин Стефан, приняв в свой дом бывшую рабыню и гетеру по имени Неэра и ее детей, воспитывал их как своих. Он выдает старшую дочь Неэры Фано за небогатого афинянина Фрастора с приданым в 30 мин. Фрастор, недовольный, по словам оратора, поведением Фано и узнав, что она дочь Неэры, а Стефан не является ее отцом, выгнал ее, беременную, из дома и отказался вернуть приданое, которого требовал Стефан. Так как последнему грозила суровая кара за то, что он выдал дочь ксены за свою, он договорился с Фрастором, что они откажутся от взаимных обвинений (*Dem.*, LIX, 50—54). Спустя некоторое время Фрастор заболел и нуждался в уходе. Так как с родными он был в ссоре, а Неэра и ее дочь приходили и ухаживали за ним, он помирился с Фано, признал своим родившегося у нее

⁴⁶ Если верить оратору (*Isae.*, VI, 19—20), отцом детей Алки был вольноотпущенник Дион, который признавал и воспитывал их пока не оказался вынужденным покинуть Афины, опасаясь наказания за какой-то свой проступок.

⁴⁷ См. *Davies. Op. cit.*, p. 563—566; *Lacey. Op. cit.*, p. 143.

⁴⁸ По словам оратора (*Isae.*, VI, 14), с момента отъезда отца Каллиппы в Сицилию, когда он оставил свою дочь на попечении Евктемона, прошло 52 года, а старшему из приписываемых ей сыновей к моменту процесса было не более 20 лет. Таким образом, она родила его в возрасте 30 с лишним лет, когда ей полагалось не под опекой находиться, а быть выданной замуж в соответствии с афинскими законами.

⁴⁹ Дата процесса, для которого была написана VI речь Исея, может быть легко определена. В § 14 упоминается архонт Аримнест (416/415 г. до н. э.) и говорится, что с тех пор прошло 52 года. Таким образом, процесс происходил в 364/363 г. до н. э.

за это время сына и взял его в свой дом (Dem., LIX, 55—57). Однако когда Фрастор пытался ввести мальчика во фратрию, члены рода Бритидов, к которому он сам принадлежал (Dem., LIX, 59: εἰσήγεν... εἰς τοὺς φράτερας τὸν παῖδα... καὶ εἰς τοὺς Βριτίδας ὧν καὶ αὐτὸς ἐστὶ... γεννήτης), воспротивились этому и мальчик не был внесен в списки. Фрастор возбудил против них иск за то, что они не вписали во фратрию его сына, но вынужден был отступить, когда геннеты потребовали, чтобы он поклялся, что действительно считает мальчика своим сыном от афинянки, выданной за него замуж в соответствии с законами (Dem., LIX, 60: οἶόν ἐξ ἀστῆς γυναικὸς καὶ ἐγγρητῆς κατὰ τὸν νόμον).

По афинским законам Стефану за то, что он выдал замуж ксену под видом своей дочери, грозили атимия и конфискация имущества, причем одна треть его доставалась обвинителю (Dem., LIX, 52). Но для этого должен был найтись желающий возбудить против него дело. Как было сказано, Фрастор от этого отказался, и все обошлось тем, что Фано вернулась домой, а он затем женился на подлинной афинянке (Dem., LIX, 58). О дальнейшей судьбе ребенка мы, к сожалению, ничего не знаем. Оратора это не интересует. Заметим лишь, что не будь Фрастор Бритидом, возможно, ему удалось бы ввести сына во фратрию. Более того, спустя некоторое время Стефан снова выдает замуж Фано за бедняка-афинянина, который был избран архонтом-басилеем (Dem., LIX, 72). В качестве его жены Фано активно участвовала в священных обрядах и таинствах, требовавших особой чистоты и закрытых для неучастных к ним афинян. Тем более недопустимо было приобщение к ним ксены (Dem., LIX, 73—79). Когда выяснилось, что Фано — не дочь Стефана, а дочь Неэры, разразился скандал, завершившийся, как и в первом случае, разводом (Dem., LIX, 80—81, 83). Не будь второй муж Фано архонтом-басилеем, все могло бы обойтись. Заслуживает внимания тот факт, что каждый раз, когда говорится о происхождении Фано, подчеркивается, что она не дочь Стефана, а дочь Неэры. Создается впечатление, что если бы ее отцом был афинский гражданин Стефан, то отношение к Фано и ее ребенку было бы несколько иным, хотя в той же речи приводится закон, карающий афинянина за брак с ксеной (§ 16)⁵⁰.

† Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые выводы. Положение *nothoi* в Афинах определялось тем, к какой из двух групп они принадлежали — дети афинянина и ксены или внебрачные дети двух афинских родителей. В обоих случаях место *nothos* в семье определялось прежде всего волей отца, который мог признать или отвергнуть их. Признанный отцом сын ксены получал долю в наследственном имуществе, размер которой зависел от воли отца или его законных наследников. При благоприятных условиях он мог быть введен и во фратрию. Но гражданские права он по закону мог получить только декретом народного собрания. Что собой представляла эта группа *nothoi*. Они не были ни

⁵⁰ Насколько нам известно, закон Перикла не запрещал брака с ксеной, а только лишал гражданских прав родившихся в этом браке детей. Запрет же таких браков относится уже к IV в. до н. э. Ср. *Harrison. Op. cit.*, p. 25 f.; *Lacey. Op. cit.*; *Loize. Op. cit.*, p. 169. В то же время IV в. до н. э., от которого сохранилось больше свидетельств о частной жизни, изобилует примерами обхода этого запрета. По-видимому, многочисленные факты незаконного проникновения в гражданские списки по демам в большой степени затрагивали не метеков и ксенов, а *nothoi*. Их отцы были афинскими гражданами, сами они были урожденными афинянами. Они не считались и не могли себя чувствовать метеками. Можно понять, что они любыми способами стремились этого добиться и надо думать, что в ряде случаев им это удавалось.

метеками, ни ксенами, но не были и афинскими гражданами. По остроумному выражению Лотце, перефразировавшего известную формулу Поллукса (III, 83) *μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δοῦλων*, они, занимая промежуточное положение между гражданами и негражданами, могут быть определены формулой *μεταξὺ πολιτῶν καὶ μετοίκων*⁵¹. Являясь неперменной составной частью населения Афин, *nothoi*, естественно, стремились добиться гражданских прав. В отличие от метеков, они могли рассчитывать на содействие своих афинских отцов. Проникновение их в списки граждан по демам облегчалось в ряде случаев широко распространившимися в IV в. до н.э. злоупотреблениями демархов и других членов дема. Ярким примером этого являются факты, приведенные в LVII речи Демосфена, и сам процесс, для которого она была написана⁵². Жизненная практика ломала законы, противоречившие нормальным социальным отношениям и интересам полиса в целом. Всяческие ухищрения претендентов на родство с тем или иным афинянином облегчалось тем, что при отсутствии признаваемых государством и регистрируемых в официальных органах власти частно-правовых документов условия для осуществления законов о семье и браке, гражданских и наследственных правах были весьма шаткими. Даже во фратриях, куда отец представлял признанного им сына, существовали разные правила этой процедуры⁵³.

Сложное и противоречивое положение *νοθοί* в Афинах, особенно в IV в. до н.э., отражает усиливающийся разрыв между полисом как государственным организмом и составляющими его частным ячейками — семьей, в какой-то мере — фратрией. Интересы отдельных граждан (отцов *νοθοί*) противопоставляются здесь основополагающим законам полиса.

Аристотель в «Политике» (III, 3, 5, 1278a 26—34) указывает, что в некоторых полисах гражданами считались дети матери — гражданки, независимо от отца, а во многих — гражданство получали и *nothoi*. По его мнению, это происходит при недостаточном количестве граждан. Напротив, при их избытке исключают постепенно детей, у которых только мать — гражданка, а в конечном счете приходят к требованию гражданской принадлежности обоих родителей. В другом месте Аристотель связывает предоставление прав незаконным детям (*nothoi*) и тем, у которых только один из родителей — гражданин, со стремлением усилить демократию (VI, 2, 9, 1319b 6—10). Афины здесь не упоминаются и, вероятно, прямо не подразумеваются, но это общая тенденция эпохи, которая получила свое дальнейшее развитие в период эллинизма⁵⁴.

Что же касается внебрачных детей, у которых оба родителя были афинянами, то их социальное и правовое положение целиком зависело от воли отца. В случае его признания они (во всяком случае в IV в. до н.э.) получали и право наследования отцовского имущества наравне с законными детьми, и гражданские права. Правда, при проверках гражданских списков требовалось, чтобы брак родителей был должным образом оформ-

⁵¹ Lotze. Op. cit., p. 178.

⁵² См. Dem., LVII, 2, 26, 49, 55, 59—60; XIII, 23—24; ср. And., I, 149; Isocr., VIII, 88—89; Hyper., III, 3; Харпокр., s. v. Ἀγασικλήϊς; Ath., VI, 263 с. По словам Исея (XII, 2), дело доходит до того, что некоторые афиняне из-за бедности усыновляют ксенов в надежде получить какую-нибудь выгоду, когда те благодаря им станут гражданами. Тем более к этому могли прибегать состоятельные афиняне, желавшие дать права своим *nothoi*.

⁵³ См. And., I, 126—127; Isae., VII, 16; Dem., XL, 11; LIX, 59—60; Syll.³, 921. Ср. Latte. Op. cit., Sp. 1063.

⁵⁴ Ср. Hannic. Op. cit., p. 147.

лен, но, как мы видим из источников, эту формальность могла заменить официально выраженная воля отца.

Рассмотрение вопроса о положении *nothoi* в Афинах классического периода показывает, насколько сложной была социальная структура полиса. Наряду с четко очерченными понятиями граждан, метеков и ксенов существовали промежуточные категории. Неопределенность их статуса в значительной мере определялась примитивным характером права, недостаточной авторитетностью письменных документов при фиксации социального и правового статуса. Реальная жизнь преодолевала связанные с этим трудности и диктовала свои законы, нередко не совпадавшие с официальными установлениями. Это противоречие проявлялось обычно в случаях конфликтных ситуаций, но при их отсутствии оно могло быть сглажено живой социальной практикой.

В эллинистических Афинах, как и в других полисах, положение *nothoi* меняется⁵⁵. Но это требует особого рассмотрения.

⁵⁵ Ср. *Vatin. Op. cit.*, p. 124—126.

LES *NOTHOI* DANS LA STRUCTURE SOCIALE DE LA *POLIS* ATHÉNIENNE AU IVe S. AV. N. È.

L. M. Gluskina

La question des *nothoi* athéniens est compliquée et embrouillée et nombre de ses aspects sont réfractaires à toute réponse définitive. Des deux groupes de *nothoi* — les enfants d'un Athénien et d'une *xenè* et les enfants illégitimes d'un Athénien et d'une Athénienne —, la situation du premier se laisse mieux définir. Jusqu'au milieu du Ve s. av. n. è. les enfants d'une *xenè* et d'un père-citoyen jouissaient des droits politiques, puis ils en furent privés. Au IVe s. av. n. è., les mariages mixtes furent totalement interdits. Néanmoins, en dépit de la loi, ces *nothoi* pénètrent constamment dans les listes des citoyens des demeures. Leurs droits héréditaires, bien que formellement limités, furent déterminés en définitive par la volonté du père. Sans être ni des métèques, ni des *xènes*, ces *nothoi* étaient un élément permanent de la population athénienne et leur pénétration dans les rangs des citoyens, bien que contraire à la loi, étendait et renforçait la structure sociale de la polis athénienne.

La condition des enfants illégitimes de parents athéniens était meilleure. Ils entraient facilement dans la communauté des citoyens sans se heurter à une résistance particulière, ils pouvaient obtenir aussi bien les droits politiques que les droits d'héritiers. Pour cela, il leur suffisait d'être légalement reconnus par leur père et admis au sein de la phratrie. Nos sources ne répondent pas avec clarté à la question: de quelles restrictions étaient-ils frappés, après cette reconnaissance, pour avoir une mère seulement *ἀστή*, mais ni *ἐργητή*, ni *γαμετή*? En tout cas, on ne connaît pas un seul exemple de privation ainsi motivée de la citoyenneté. Les discours des orateurs athéniens du IVe s. av. n. è. montrent que la pratique en matière de *nothoi* ne cadrerait pas avec les dispositions législatives conservatrices et dépassées par les rapports réels en vigueur dans l'Etat athénien.
